

ПЕРЕКРЕСТОК
ТРЕХ
ДОРОГ

Москва

По дороге в легенду
Новое героическое фэнтези

ПЕРЕКРЕСТОК
ТРЕХ
ДОРОГ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В45

Иллюстрация на переплете
художника *Max Kneht*

Вилонова, Мария Александровна.

В45   Перекресток трех дорог / Мария Вилонова. —
Москва : Эксмо, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-04-201027-9

Древнее пророчество гласит: когда хрупкое равновесие в трех мирах начнет рушиться, настанет время великих героев, рождение которых предскажут особые знаки. Но что, если прорицатели ошибались и ни знаков, ни героев не появилось, а война уже на пороге? Молодой жрец Ферр вместе со спутницей из иного мира отправляется в путешествие, чтобы найти своего пропавшего брата. Но никто не знает, что ждет их на следующем перекрестке.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Вилонова М., текст, 2024
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо»,
2024

ISBN 978-5-04-201027-9

ИНТЕРМЕДИЯ

Великие герои

Скромное жильё деревенского старосты наполнилось шумом и кутерьмой. Гремела выдавшая виды посуда, беспрестанно скрипели уставшие половицы, а из маленькой поварни то и дело выбегали раскрасневшиеся от печного жара да суеты дородная хозяйка с вертлявой дочкой — без остановки таскали к столу нехитрое угощение, и чудилось, вскорости от усердия выгребут погреб до крошки.

За неимением большого общинного дома люди всей крошечной деревушкой собрались здесь. Те, кому места на лавках не досталось, топтались в проходах или уже тяжко наваливались на стены да чужие плечи — питьё старосты, метко наречённое огнёвочкой, и верно оказалось хорошо, а бочонков хлебосольный хозяин не пожалел.

Приход жреца жители посчитали праздником не меньшим, чем с луну назад отгремевший Бъёл. А то и бóльшим — летние обряды обыкновенно хлопотны и растратны, а тут знай себе сиди да слушай легенды со сказаниями под дивную игру сэйд. Только и надо что подтащить к общему столу какой снеди — пирогов, крынку молока с сыром или молодых овощей, отдать хозяйке, а там уж сама разберёт, кого да чем потчевать.

Выступление вышло кратким — за долгое и вместе расплатиться бы не сдюжили, но люди радовались даже таким крохам. Слишком уж редко в их

ПЕРЕКРЁСТОК ТРЁХ ДОРОГ

глушь забредали жрецы, а коль заглядывали, не всякий раз соглашались петь, присмотревшись к небогатым хозяйствам. Нынешний же оказался сговорчивым, сдался просьбам и остался.

Несколько баллад люди выслушали, замерев, будто вдруг очутились пред самой Иритой, а не её жрецом. Но стоило флейте затихнуть, а сэйд сказать уставшей да отправиться отдохнуть, тотчас загалдели, разгорячённые выпивкой и музыкой, без всякого стеснения принялись обсуждать выступление прямиком при сказителе.

Почётный гость глядел на них с хмельным задором да наслаждался. Скромная публика была благодарной, лестные слова тешили, а столь искренний восторг грел сердце поболее сдержанного уважения привычных больших городов с богатыми деревнями. Здесь он сам себе мерещился аж Тагни из легенды о защитниках да потихоньку полнился от того благодушной гордостью.

Из блаженной неги жреца выдернули, разом настойчиво и боязливо подёргав за рукав. Он медленно, тяжело обернулся, и полутёмная комната лихо поплыла перед взором прежде, чем тот остановился на девчужке не старше семи вёсен. Сказитель с трудом признал младшую дочь старосты, которую видал подле отца незадолго до выступления. Другая детвора жалась позади, все как один босоногие и чумазые. Они косились на гостя с опаской да любопытством, а их заводила уставилась с упрямой смелостью, и страх в глазах мешался с озорным задором. Руку девочка, однако, отпустила тотчас, как жрец повернул голову, быстро запрятала ладошки за спину, тихонько пискнула, не сумев отыскать прежней бойкости:

— Расскажи о великих героях.

— А ну кыш отсюда! — тотчас рассердился староста.

Люди тем временем затихли да всю глядели на сказителя, будто разом жаждали и боялись повторить просьбу. Он же, изрядно охмелев от огнёвочки да уже примерив личину вестника пророчества, нахмурился, взглянул сурово, грозно молвил:

— Для чад верных легенд жалеешь?

— Не по нам новые песни, господин... — пробормотал опешивший хозяин.

— Мне решать! — рявкнул жрец да ударил по старому столу столь сильно, что всякий, кто ещё мог, отпрянул, а детворы приметно убавилось.

Обведя нетвёрдым взором испуганную публику, сказитель смягчился, подтолкнул к старосте опустевшую чарку, а под бородой мелькнула лукавая улыбка:

— На рассказ о героях твоего богатства с достатком. Без песен обойдётесь, но коль не устали, наливай да услышите.

Люди радостно забормотали, страх сменился нетерпеливым восторгом, и хозяин, сам не хворавший жадностью, тотчас отправил сына за новым бочонком. Едва тот очутился на столе, а жрец, получив заслуженную плату, мигом её испил, как всякий взор оказался прикован к нему. Сказитель тяжело опёрся локтями на стол, но заговорил неожиданно ладно да твёрдо, и густой голос поплыл в тишине, мешаясь с сумраком и печным дымом в причудливые мороки древней легенды.

Благие времена настали для трёх миров после Великого Раздела. Утихли, уснули до поры туманы на просторах Сэйда, и лишь зыбкие тропы ведут в Ирд чародеев, но не пускают далече от себя ни их одних, ни чудных да кошмарных тварей, о коих нынче не

ПЕРЕКРЁСТОК ТРЁХ ДОРОГ

упомнят и глубокие старики. В Мерг же смертным не пробраться при жизни, не одолеть призрачной пелены, покуда не пробьёт час и вечный пир не призовет гостей. Дивным покоем одарили людей добрые боги, окончили для всякого бремя кровавой распри. Но беда отступила не навеки, и новая война да тяжкие времена ещё обрушатся на всякого живущего под солнцем, луной и звёздами.

Грянет час, когда границы истлеют, станут зыбкими да тонкими столь сильно, что времена великих праздников почудятся порой блаженной неги, ибо любой день обернётся тяготами страшнее Сайма и Бъёла. Вырвутся в Ирд дикие колдовские туманы, укутают земли срединного мира густой пеленой, над коей окажутся не властны и ветра. Придут с ними чудища из тёмных кошмаров, и не сумеют их одолеть даже величайшие из людских воителей. То станет первым знаком скончания миров, ибо сгинут границы, загремит над срединным миром пир мертвецов, а с севера вновь явятся по души уцелевших орды Мерга, не ведающие пощады.

В ту пору не удержать разъярившихся миров да не избежать страшной войны и самим богам. Но надеждой среди тьмы грядущего станут великие герои. В миг отчаянья придут они к людям, польются над срединными землями песни Тагни-вестника — то милосердная Ирита возжелает ободрить да предупредить, и её жрецы подхватят слова сказаний, понесут всюду, исполняя волю своей госпожи...

— Слышал, Тагни родится студёной зимой, но в миг, когда мир заслышит его крик, поблизости прямиком из-под снега повылезут цветы да травы, а деревья станут зелёными, будто в разгар лета... — свистящим шёпотом пробормотал кто-то из деревенских, не сдержавшись, а остальные согласно

закивали, хотя хмельному смельчаку тотчас прилетел в бок локоть соседа.

Жрец благосклонно улыбнулся, не осерчав от дерзости, подтвердил:

— То станет знаком его рождения, знамением самой Ириты. Но кроны диких лесов Ирда до поры укроют дитя, дадут возмужать да окрепнуть пред тёмными временами. После же он выйдет к людям, станет вестником древнего пророчества, гласом сына бога и смертной девы. Когда же тот явится на свет, небеса вспыхнут алым пожаром, и пусть чаду не выпадет знать отца, в багряном зареве он наречёт дитя столь громко, что весь срединный мир будет ведать: пришёл Йорги, а границы ослабели с избытком. Тем добрые боги предостерегут людей да повелят готовиться к грядущему.

— Меня папка тоже Йорги назвал, — с пьяным смешком просипел невысокий мужичок. — А мамка поминала, как повитуха едва избу головёшкой не спалила...

— Молчи, дурень, — осадила его древняя старушка, укутанная в платок. — Герои в знатных родах объявятся, всякий скажет, да будут в золоте купаться. А ты как жил лесорубом, так и помрёшь, хоть самим Эталлом обзовись.

Люди с охотой расхохотались, и мужичок насутился, глянул злобно, но более говорить не стал. Жрец уже было порешил, что довольная публика оставила его да можно вернуться к огнёвочке, когда девчушка вновь подёргала за рубаху, попросила:

— А про остальных?

Сказитель тяжело вздохнул, оглядел толпу, в коей каждый вновь уставился на него вперемешку с пьяной усталостью да любопытством, продолжил, же-

ПЕРЕКРЁСТОК ТРЁХ ДОРОГ

лая лишь поскорее закончить да уже жалея о своей стоворчивости:

— Безымянный родится столь могучим, что погубит несчастную мать, и та не успеет дать ему имени. В скорби он не примет наречения ни от кого из своего рода. Ну а могучий колдун Юдарь, услышав песни вестника, спустится с вершин, дабы тоже встать рядом с героями в решающий час.

— И про него, про него расскажи! — загадели люди с азартом. — Про знамения!

— Не будет там никаких знамений, — отрезал жрец недовольно. — А коль случатся — не вашего ума дело, как на него родителям боги укажут. На то и могучий колдун, что сумеет себя скрыть до времени.

— Мне вот бабка ещё говаривала, что буря страшная будет, аж три луны без остановки! — запальчиво возразил кто-то.

— Не буря, башка твоя дырявая, — сердито поправил другой. — А старик Олки разъярится да выйдет из берегов! Аж до самых северных гор волной докатится, вот Юдарь и придёт посмотреть, чего делается. Утихомирят море, и потом уж Тагни приметит!

— Тебе откуда знать?! Окромя пчёл своих ни гварха не видишь, а о героях судишь!

— У меня тётка под самим Фелбом! Им так сказители поют!

В хмельном азарте люди вовсе позабыли о госте, ввязались в жаркий спор, где всякий говорил своё, на ходу придумывая новые глупости. Жрец тяжело поднялся, доковылял до двери, вывалился во двор, прислонился к стене. Вскинул голову, глянул в ночное небо, усеянное яркими звёздами, а те заплясали перед глазами словно ошалевшие.

Птичья трель да стрёкот сверчков звенели в ушах громче тревожного набата, и веки будто налились свинцом...

— А представляешь, — выскользнувшая следом любопытная девчушка посмотрела с весёлым задором, — ежели прямо теперь небо займётся алым пожаром да прогремит голос самого бога? Настоящее чудо!

— Милое дитя, — с горькой усмешкой пробормотал жрец едва слышно, — не дай тебе миры на своём веку узреть тех небес да услышать того имени...

ПРОЛОГ

Мир Сэйд

Ветра пели разными голосами. Она слышала вдалеке бег оленей и лай охотничьих псов, крики птиц. Недовольные вздохи вековых тисов и лёгкий звон в кронах берёз. Смех и танцы за спиной у поросшего мхом холма. Звуки влекли, окружали со всех сторон, и она шла вперёд, тихо ступая по мягкой лесной траве.

Её не окликнули. Сэйды редко отвлекаются, если уж пустились в пляс, и иной раз их веселье тянется не один оборот луны. Обращать внимание они готовы лишь на опасность да случайных путников Ирда, но никак не на одну из них — девочку, у которой и взрослого имени пока не было. А на старое, детское, она бы уже не откликнулась сама. Даже родители — и те оставили дочь в покое, полностью отдавшись танцу. Далеко всё равно не сбежит — родной холм, под которым лежала тропа в мир Сэйд, не отпустит просто так, не позволит уйти. Станет незримой стеной спустя пару яр, и никому не одолеть той преграды в одиночку.

Но даже такое крошечное расстояние казалось юной сэйд огромным. Она впервые пришла в Ирд, срединный мир, впервые слушала его, как раньше слушала ветра родного дома. До пятнадцатого лета оставалось трижды три дня, её взяли с собой, чтобы найти имя. Старцы говорили: должен быть знак. Говорили: нужно услышать, тогда поймёшь. Она со всем старанием напрягала слух, разбирала

звуки. Некоторые, вроде лая или охотничьего рога, пугали. Другие — тихие шорохи ветров, заплутавших в кронах, звон насекомых, шелест крыльев — завораживали и тянули отыскать источник. Всё сливалось в единую песню, прекрасную, но ничего особенного в ней не чудилось.

Подол платья цеплялся за цветы и хрупкие ветки. Иные ломались, и ей было искренне жаль, когда слышался недовольный хруст. Даже подумалось взять имя нежной таволги или какого могучего дерева — в качестве благодарности и извинения. Мысль крепла с каждым вздохом и треском под башмаками, а она упрямо отгоняла соблазн. Всё ещё не знак. Каким он должен стать, девочка не представляла, но верила, что поймёт. Лишь бы успеть за отведённое время.

Путь оборвался резко. Незримая сила не дала заглянуть за древний дуб, оттолкнула. Она тихонько вскрикнула от неожиданности, обиженно надулась, остановилась. Назад идти не хотелось. Вернуться ни с чем, почти признать поражение казалось оскорбительным. Раньше, ещё в Сэйде, она представляла, что узнает новое имя сразу же как выйдет в Ирд. Старшие смеялись, уверяли, что у многих поиск занимает целое лето, и ничего страшного в том нет. Но она — не многие. И теперь просто обязана это всем доказать.

Девочка огляделась. Можно пройти вдоль границы вокруг холма, там ещё много неизведанного. Любопытство тянуло вперёд, но было что-то странное, едва уловимое, заставляющее остаться на месте. Она неуверенно переминалась с ноги на ногу, задумчиво покусывала губу. Прислушивалась. Старый дуб устало скрипел ветвями, просил не покидать его так скоро.

ПЕРЕКРЁСТОК ТРЁХ ДОРОГ

Она сдалась, стянула со спины клёрс, уселась в корнях, бережно уложила инструмент на колени и тронула струны. Арфа прабабки послушно зазвенела о том, что юная сэйд видела и слышала этим днём, пока родичи плясали у холма. О танце пела тоже — древние деревья всегда любили узнать о развлечениях своих хранителей. Девочка прикрыла глаза, перебирала пальцами струны, но в детский ещё восторг от новых мест и встреч вплеталась горечь разочарования неудачного поиска.

Она играла долго — сэйды вечно теряют счёт времени, когда дело касается музыки. Открыла глаза уже на закате, когда оранжевые лучи коснулись тёмной коры и скользнули теплом по лицу. Из забытья вывел свистящий шорох крыльев. Перед девочкой на ветке сидел ястреб. Склонил голову и внимательно наблюдал. Она замерла, позабыв о мелодии, вглядывалась в птицу, любовалась. Ястреб крикнул, и звук его голоса отозвался в сердце долгожданной радостью.

— Эйдре... — прошептала девочка, протянула руку к неожиданному слушателю.

Птица взлетела, понеслась прочь, звала и манила за собой. Юная сэйд рассмеялась, вскочила и побежала, на ходу закидывая клёрс за спину. А после подпрыгнула и обернулась белоснежным ястребом, бросилась в небеса, словно пыталась добраться до самого солнца. Под крыльями свистели ветра, ласково повторяли раз за разом имя молодой девы верхнего мира. Эйдре. Белый ястреб.